

вогаза, как я узнала значительно позже) с приделанной головой. Я ее брать не стала, но знала, что, если взять, она не укусит.

На сцене змея оживала (наверное, тоже действовала в предлагаемых обстоятельствах, в гримерке она игрушечная: я это точно знала) и пряталась в корзине с цветами. Корзина — в гримерке, где трогать ничего нельзя.

Напрасно меня взяли на спектакль в тот вечер. Два действия я была зрителем, но в третьем я должна была стать той, кто «к счастью, лесом...». Третье действие мне разрешили сидеть в гримерке, потому что мне уже надоело смотреть, а здесь я «ничего не трогаю». Но не сегодня.

Тетя Галя и мама пошли на сцену играть в Никию и Гамзатти, а я осталась, «к счастью...». Змею вытащила — подумаешь, «понарошку», хоть и похожа, и засунула ее под диванчик, на котором до этого чинно сидела.

Четвертый акт. Я уже в зале. Вот Гамзатти со своей корзиной, мама ведь знает, что может быть, но берет, танцует и... никто не

выползает, ничего не извивается, никто не жалит. Ура!!! Я помогла, чтобы не было плохо. Но Никия почему-то опускает сама руку в корзину, зачем-то ищет в ней что-то, испуганно отдергивает руку, в ужасе смотрит на нее и падает.

«Умненькая Наташа» так и не смогла тогда понять «почему...»: почему нельзя было трогать змею, почему нельзя было спасти маму, почему нельзя было просто подарить Никии цветы и ничего туда не класть.

Мне что-то потом говорили про волшебную силу искусства, про то, что люди должны различать добро и зло и для этого должны быть такие спектакли, что если я не понимаю, меня просто брать и пускать никуда не будут. Много чего говорили. Мама тоже говорила, тоже ругала и грозила, что ноги моей в гримерке не будет, но глаза у нее были, как у лани в окошке — дырочке на обложке: огромные, с длинными ресницами и со слезами. Но мне почему-то казалось, что это не от обиды, а от какой-то радости. Может, потому, что «у них такая Наташенька умненькая».



Иван ВЕДЕРНИКОВ,

8 класс школы «Надежда», г. Москва

Как училась моя мама

(СЕМЕЙНЫЕ ИСТОРИИ)



Мне кажется, что лет через тридцать—сорок я так же, как сейчас моя мама, буду сидеть с моими детьми, вспоминать школу, рассказывать о компьютерах и шариковых ручках, а они будут в душе посмеиваться: «Как же вы могли учиться в таком допотопном мире?» А мне нравится сейчас ходить в школу, и я уже потихоньку собираю свою папку с тетрадками, дневниками, грамотами и фотографиями.

Ив. ВЕДЕРНИКОВ

Школьные годы, как говорят многие, — лучшие годы жизни. Так любит говорить и моя мама и с наслаждением вспоминает, как она ходила в школу с портфелем через мост (ее школа находилась на другом берегу реки), как вместе с одноклассниками училась и отдыхала. Мы иногда заглядываем с ней в старую папку, в которой хранятся тетради, дневники, фотографии и другой школьный «антиквариат».

Мама пошла в школу в 1977 году. В то время еще не было привычных нам авторучек, поэтому школьники обязательно носили с собой баночку с чернилами, промокашку и клеенку на стол, чтобы чернилами не испачкать парты. Листая старые мамины тетрадки, я заметил небольшие кляксы — это те самые следы «лишних чернил»¹. Мама в школе была отличницей до одиннадцатого выпускного класса, поэтому в ее тетрадках и дневниках все очень аккуратно и красиво.

Очень часто она вспоминает, как ее принимали сначала в октябрюта, а позже — в комсомол. В то время это было очень ответственно и почетно. Для того чтобы стать октябренком, нужно было это заслужить: хорошей учебой, примерным поведением, «активным участием в общественной жизни школы» (за это ей почти каждый год вручали грамоты). Кстати, грамоты достойны отдельного рассказа: практически все выдержаны в красном цвете, а фамилии вписаны четким каллиграфическим почерком. В них выражаются благодарности родителям, мама награждается за победы в спортивных соревнованиях, за отличную учебу (в конце каждого класса), за «общественную деятельность»... К сожалению, я не могу похвастаться такой объемной пачкой грамот, как моя мама...

Еще мама рассказывала, как из-за красивого почерка ее освобождали от уроков и поручали оформлять разные транспаранты, стенды, стенгазеты... как она из-за таких заданий с удовольствием про-

пускала ненавистную физику и геометрию.

Я смотрю на ее старые фотографии как на другой мир. Темная строгая форма, галстуки, фартуки, значки — школьникам сегодняшнего дня этого не понять. Не понять, почему наши мамы так ответственно подходили к такому занятию, как, например, пришивание воротничков (стоит только взглянуть на выражение лица мамы на фотографии, когда она это делает). Всего тридцать лет прошло с тех пор, а как отличаются ее и мои снимки...

Но, скорее всего, мама так часто вспоминает школу не из-за флагов, галстуков и воротничков, а потому, что она была маленькой девочкой, смотрящей на мир широко открытыми и наивными глазами. Были и в ее ученические годы разные мелкие школьные «пакости» в виде тараканов на школьном столе и кнопок на стульях. Были и походы в лес с палатками, зимние ночные переходы на лыжах, песни у костра и «Огоньки» по праздникам в тесном кругу одноклассников.

Конечно, это важно, в чем ты ходишь и какие атрибуты времени тебя окружают, но самое главное — это люди, с которыми ты каждый день делишь парту, класс, школу... Часто мама вспоминает учителей, многие из которых уже ушли из жизни. Она помнит их всех по имени и отчеству. Ее одноклассники, хоть и разъехались по России и даже миру, стараются все эти годы поддерживать связь и хотя бы изредка встречаться.

Мне кажется, что лет через тридцать-сорок я так же, как сейчас моя мама, буду сидеть с моими детьми, вспоминать школу, рассказывать о компьютерах и шариковых ручках, а они будут в душе посмеиваться: «Как же вы могли учиться в таком допотопном мире?» А мне нравится сейчас ходить в школу, и я уже потихоньку собираю свою папку с тетрадками, дневниками, грамотами и фотографиями.

¹ Здесь есть, как заметят не очень юные читатели, явный анахронизм, так как в 1977 году никаких «непроливашек» (баночек с чернилами) уже не было, а были давным-давно шариковые ручки, но мы оставляем текст автора.